ВОСПОМИНАНІЕ О БУЛГАКОВЫХЪ (*).

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, хотя собственно и не принадлежалъ ни Арзамасу, ни литературной дѣятельности нашей, былъ не менѣе того общимъ нашимъ пріятелемъ, то-есть Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мнѣ и другимъ. Онъ былъ, такъ сказать, членомъ-корреспондентомъ нашего кружка. Въ печати извѣстенъ онъ нѣкоторыми статьями, болѣе біографическими и полу-или бѣгло-историческими: но въ немъ, при хорошемъ образованіи и любви къ чтенію, не было ни призванія литературнаго, ни авторскаго дарованія. Впрочемъ, что касается до нѣкоторыхъ его печатныхъ статей, то и тутъ надобно сдѣлать оговорку. Дружба дружбой, а правда правдой. Онъ не всегда держался правила „не мудрствовать лукаво,“ увлекался своимъ воображеніемъ и живостью впечатлѣній и сочувствій. Помню, между прочимъ, статью его, гдѣ-то напечатанную, въ которой онъ будто записалъ слова Карамзина, сказанныя въ кабинетѣ графа Ростопчина за нѣсколько дней до вступленія Французовъ въ Москву. Сущность разсказа, вѣроят-

(*) Написано по поводу помѣщенія нижеслѣдующихъ писемъ Жуковскаго. *П. Б.*

но, отчасти и справедлива, но много придалъ онъ Карамзину и своего собственнаго витійства. Карамзинъ ни до войны 1812 года, ни при началѣ ея, не былъ за войну. Онъ полагалъ, что мы недостаточно для нея приготовлены; опасался ея послѣдствій, при настойчивости, властолюбіи, военныхъ дарованіяхъ и счастьи Наполеона. Онъ зналъ, что Наполеонъ поведетъ на насъ всю Европу, и что она отъ него не отстанетъ, покуда онъ будетъ въ силѣ и счастіи. Онъ былъ того мнѣнія, что нѣкоторыми дипломатическими уступками можно и должно стараться отвратить, хотя на время, наступающую грозу. Патріотизмъ его былъ не патріотизмомъ запальчивыхъ газетчиковъ: патріотизмъ его имѣлъ охранительныя свойства историка.

Собственно-литература Булгакова была обширная его переписка. Въ этомъ отношеніи, онъ, по-истинѣ, былъ писатель и писатель плодовитый и замѣчательный. Вольтеръ оставилъ по себѣ многіе томы писемъ своихъ: они занимаютъ непослѣднее мѣсто въ авторской дѣятельности и славѣ его; они пережили многія его трагедіи и другія произведенія. Разумѣется, не сравнивая одного съ другимъ, можно предполагать, что едва-ли не столько-же томовъ писемъ можно было-бы собрать и послѣ Булгакова. Нѣтъ сомнѣнія, что и они, собранныя во едино, могли-бы послужить историческимъ, или, по-крайней-мѣрѣ, общежительнымъ справочнымъ словаремъ для изученія современной ему эпохи, или, правильнѣе, современныхъ эпохъ, ибо, по долголѣтію своему, пережилъ онъ многія. Кромѣ насъ, выше поименованныхъ, былъ онъ въ постоянной перепискѣ со многими лицами, занимавшими болѣе или менѣе почетныя мѣста въ нашей государственной и оффиціальной средѣ. Назовемъ, между прочими, графа Ростопчина, князя Михайла Семеновича Воронцова, графа Закревскаго. Вѣроятно, можно было-бы причислить къ нимъ и Дм. Пав. Татищева, графа Нессельроде, графа Каподистрію и другихъ. Но важнѣйшее мѣсто въ этой перепискѣ должна, безъ сомнѣнія, занимать переписка съ братомъ его Константиномъ Яковлевичемъ. Она постоянно продолжалась въ теченіи многихъ лѣтъ. Оба брата долго были почтъ-директорами, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ. Слѣдовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости посторонняго глаза. Весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія и слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица—все это, съ вѣрностью и живостью, должно было выразить себя въ этихъ письмахъ, въ этой стенографической и животрепещущей исторіи текущаго дня. Судя по нѣкоторымъ оттѣнкамъ, свойственнымъ характеру и обычаямъ братьевъ и отличавшимъ одного отъ другаго, не смотря на ихъ тѣсную родственную и дружескую связь, можно угадать, что письма К. Я., при всемъ своемъ журнальномъ разнообразіи, были сдержаннѣе писемъ брата. К. Я. былъ вообще характера болѣе степеннаго. Положеніе его въ обществѣ было тверже и опредѣлительнѣе положенія брата. Вѣроятно, нѣкоторыя изъ пріятельскихъ отношеній къ лицамъ, стоящимъ на высшихъ ступеняхъ государственной дѣятельности, перешли къ послѣднему, такъ сказать, по родству, хотя и отъ младшаго брата къ старшему. Онъ смолоду шелъ по дипломатической части и бывалъ въ военное время агентомъ министерства иностранныхъ дѣлъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій. Это сблизило его съ графомъ Нессельроде, графомъ Каподистріемъ, княземъ Пет. Мих. Волхонскимъ и другими сподвижниками царствованія Александра I. Умственныя и служебныя способности его, нравъ общежительный, скромность, къ тому-же прекрасная наружность, всегда привлекающая сочувствіе, снискали ему общее благорасположеніе, которое впослѣдствіи и на опытѣ умѣлъ онъ обратить въ уваженіе и довѣренность. Им-

ператоръ Александръ особенно отличалъ его и, вѣроятно, имѣлъ на виду и готовилъ для опредѣленія на одинъ изъ высшихъ дипломатическихъ заграничныхъ постовъ. Говорили, что государь очень неохотно и съ трудомъ, по окончаніи Вѣнскаго конгресса, согласился на просьбу его о назначеніи на открывавшееся тогда почтъ-директорское мѣсто въ Москвѣ. Но не за долго предъ тѣмъ Булгаковъ женился и желалъ для себя болѣе спокойной служебной осѣдлости. Московскимъ старожиламъ памятно его директорство, всѣмъ доступное—подчиненнымъ и лицамъ постороннимъ, для всѣхъ вѣжливое и услужливое; памятенъ и гостепріимный домъ его, въ которомъ за-просто собирались пріятели и лучшее общество. Съ перемѣщеніемъ его изъ Москвы въ Петербургъ, на таковую-же должность, кругъ его служебной дѣятельности и общежительныхъ отношеній еще болѣе расширился. Билліардъ (оба брата были большіе охотники и мастера въ этой игрѣ) былъ два раза въ недѣлю, по вечерамъ, неутральнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ званія и всѣ возрасты: министры, дипломаты русскіе и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директоры департаментовъ, начальники отдѣленій и многіе другіе, не принадлежащіе никакимъ отдѣленіямъ. Разумѣется, тутъ была и биржа всѣхъ животрепещущихъ новостей, какъ заграничныхъ, такъ и доморощенныхъ. Въ другіе дни, менѣе многолюдные, домъ также былъ открытъ для пріятелей и короткихъ знакомыхъ. Тогда еще болѣе было непринужденія во взаимныхъ отношеніяхъ и разговорѣ. Тутъ и князь П. М. Волхонскій, вообще мало обходительный и разговорчивый, распоясывался и при немногихъ слушателяхъ дѣлился своими разнообразными и полными историческаго интереса воспоминаніями. Тутъ, между прочимъ, разсказывалъ онъ намъ, въ продолженіи цѣлаго вечера, многія замѣчательныя подробности о походахъ императора Александра, или воспоминанія свои о преимущественно анекдотическомъ царствованіи императора Павла.

Собираясь говорить объ одномъ братѣ, я разговорился о другомъ; но это не отступленіе, а, скорѣе, самое послѣдовательное и логическое вводное предложеніе. Тѣмъ, которые были знакомы съ обоими братьями и знали ихъ тѣсную связь, оно не покажется неумѣстнымъ.

Александръ Яковлевичъ — уроженецъ Константинопольскій и чуть не обыватель Семибашеннаго замка, въ которомъ отецъ его довольно долго пробылъ въ заточеніи,—провелъ года молодости своей въ Неаполѣ, состоя на службѣ при посланникѣ нашемъ Татищевѣ. Онъ носилъ отпечатокъ и мѣста рожденія своего и пребыванія въ Неаполѣ. По многому видно было, что солнце на утрѣ жизни долго его пропекало. Въ немъ были необыкновенныя для нашего сѣвернаго сложенія живость и подвижность. Онъ вынесъ изъ Неаполя неаполитанскій темпераментъ, который сохранился до глубокой старости и началъ въ немъ остывать только года за два до кончины его, послѣдовавшей на 82-мъ году его жизни. Игра лица, движенія рукъ, комическія ухватки и замашки, вся эта южная обстановка и представительность, были въ немъ какъ-будто врожденными свойствами. Отъ него такъ и несло шумомъ и движеніемъ Кіяи и близостью Везувія. Онъ всегда, съ жаромъ и даже умиленіемъ, мало свойственнымъ его характеру, вспоминалъ о своемъ Неаполѣ и принадлежалъ ему какимъ-то родственнымъ чувствомъ. И немудрено! Тамъ протекли лучшіе годы его молодости. Молодость впечатлительна, а въ старости мы признательны къ ней и ею гордимся, какъ раззорившійся богачъ прежнимъ обиліемъ своимъ, пышностью и роскошью. Онъ хорошо зналъ итальянскій языкъ и литературу его. Въ разговорѣ своемъ любилъ онъ вмѣшивать итальянскія прибаутки. Впрочемъ, вмѣстѣ съ этою заморскою и южною прививкою, онъ былъ настоящій, коренной Русскій и по чувствамъ сво-

имъ и по мнѣніямъ. Отъ его сочувствій и сотрудничества не отказался-бы и современникъ его, нашъ пріятель Сер. Ник. Глинка, Русскій перваго разбора, и основатель „Русскаго Вѣстника.“ И умъ его имѣлъ настоящія русскія свойства: онъ ловко умѣлъ подмѣчать и схватывать разныя смѣшныя стороны и выраженія встрѣчающихся лицъ. Онъ мастерски разсказывалъ и передразнивалъ. Бесѣда съ нимъ была часто живое театральное представленіе. Тутъ опять сливались и выпукло другъ другу помогали двѣ натуры: русская и итальянская. Часто потѣшались мы этими сценическими выходками. Разумѣется, Жуковскій сочувствовалъ имъ съ особеннымъ пристрастіемъ и добродушнымъ хохотомъ. Булгаковъ вынесъ изъ Италіи еще другое свойство, которое также способствовало ему быть занимательнымъ собесѣдникомъ: онъ живо и глубоко проникнутъ былъ музыкальнымъ чувствомъ. Музыкѣ онъ не обучался и, слѣдовательно, не былъ музыкальнымъ педантомъ. Любилъ Чимарозе и Моцарта, нѣмецкую, итальянскую и даже французскую музыку, въ хорошихъ и первостепенныхъ ея представителяхъ. Самоучкой, по слуху, по чутью, разъигрывалъ онъ на клавикордахъ цѣлыя оперы. Когда основалась итальянская опера въ Москвѣ предпріятіемъ и иждивеніемъ частныхъ лицъ — кн. Юсупова, кн. Юрія Владиміровича Долгорукова, Степана Степановича Апраксина, кн. Дмитрія Владиміровича Голицина и другихъ любителей—Булгаковъ болѣе всѣхъ насладился этимъ пріобрѣтеніемъ: оно переносило его въ счастливые года молодости. Впрочемъ, имѣло оно, несомнѣнно, изящное и полезное вліяніе и на все Московское общество. Часто, послѣ представленія какой-нибудь новой оперы, заходилъ онъ ко мнѣ и далеко за-полночь разъигрывалъ съ памяти мѣста, которыя наиболѣе намъ понравились. Тутъ воспроизводились и въ звукахъ музыкальныя мелодіи, и въ лицахъ впечатлѣнія и сужденія иныхъ новозавербованныхъ меломановъ, которые, изъ подчиненности къ начальству и къ модѣ, выдавали себя за пламенныхъ диллетантовъ. Между тѣмъ, были и въ то время *запретительные* патріоты и протекціонисты: они, оберегая домашнюю духовную промышленность, вопили противъ привознаго заграничнаго удовольствія. Еще можно признавать, въ нѣкоторомъ размѣрѣ, требованія протекціонистовъ въ дѣлѣ фабричномъ и ремесленномъ; но въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ, кажется, нельзя не быть фритредеромъ. Вообще, должно опасаться неблагоразумно съуживать чувство народности и любви къ отечеству: по этой дорогѣ скоро дойдешь и до Китайской стѣны. Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ не любилъ Кокошкина, тогда директора Московскаго театра. Можетъ быть, въ эту нелюбовь входила и частичка сомѣстничества и ревности. Князь бывалъ самъ главнымъ директоромъ Петербургскихъ театровъ: большой и просвѣщенный любитель драматическаго искусства, по преданіямъ юности пламенный почитатель Сумарокова и знавщій наизусть многія мѣста изъ его трагедій,—можетъ быть, желалъ онъ причислить и Московскую Дирекцію къ своему вѣдомству Кремлевской Экспедиціи. Своимъ рѣзкимъ, а иногда слегка и чингизъ-хановскимъ, остроуміемъ преслѣдовалъ онъ Кокошкина и поднималъ его на смѣхъ. Однажды говорилъ онъ кн. Дмитрію Владиміровичу Голицыну, что его кучеръ (т. е. кн. Юсупова) былъ-бы лучшимъ директоромъ, нежели Кокошкинъ. „Вотъ что со мною случилось“, продолжалъ онъ: „однажды, выходя изъ оперы, долго прождалъ я карету. Когда ее подали, я гнѣвно спросилъ кучера о причинѣ замедленія. — „Извините, Ваше Сіятельство,“ отвѣчалъ мнѣ кучеръ: „я былъ въ райкѣ, мнѣ хотѣлось послушать музыку.“ — Это признаніе совершенно обезоружило мой гнѣвъ. А вашъ Кокошкинъ ни разу не былъ въ итальянской оперѣ!“

Вотъ еще отступленіе. Но, собственно для меня, тутъ отступленія нѣтъ. Образъ Булгакова самъ собою такъ и вставляется въ раму итальянской оперы. Какъ-будто вчера, сижу въ креслахъ возлѣ него: такъ и кажется мнѣ, что онъ знакомитъ меня съ особенностями итальянизмовъ музыки и либретто.

Послѣ Неаполя, едва-ли не лучшее время жизни его было время его почт-директорства. Тутъ былъ онъ также совершенно въ своей стихіи. Онъ получалъ письма, писалъ письма, отправлялъ письма: словомъ сказать, купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ Окѣ. Московскія барыни закидывали его любезными записочками съ просьбой переслать прилагаемое письмо или выписать что-нибудь изъ Петербурга, или Парижа. Здѣсь кстати сказать, что гражданскіе порядки у насъ какъ-то туго прививаются. Мы во многомъ держимся патріархальныхъ и доисторическихъ привычекъ. Многіе любятъ у насъ писать по „сей вѣрной окказіи“ и увѣдомлять, что „по отпускѣ письма сего, они, благодаря Бога, живы и здоровы.“ Также равно есть у насъ разрядъ Молчалиныхъ, которые любятъ списывать стишки, уже давно напечатанные. Булгаковъ не даромъ долго жилъ въ Неаполѣ и усвоилъ себѣ качества *cavaliero servente* и услужливаго *сичизбея*. Теперь, за истеченіемъ многихъ законныхъ давностей, можно признаться, безъ нарушенія скромности, что онъ всегда, болѣе или менѣе, былъ *inamorato*. Казенные интересы Почтоваго Вѣдомства могли немножко страдать отъ его любезностей; но за то почтъ-директоръ былъ любимецъ прекраснаго пола.

Въ одномъ письмѣ своемъ Жуковскій говоритъ ему: „ты созданъ былъ почтъ-директоромъ дружбы и великой Русской Имперіи“. Въ томъ же отношеніи, въ другомъ письмѣ, Жуковскій, съ своимъ геніальнымъ шутовствомъ, очень забавно опредѣлилъ письмоводительное свойство Булгакова: „ты рожденъ гусемъ, т.е. все твое существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово безъ устали писать съ утра до вечера очень любезныя письма“. Обоихъ братьевъ называлъ я „Любовною Почтой“ (*). Но наконецъ бѣднаго гуся, Жуковскимъ прославленнаго, ощипали. Когда уволили его изъ почтоваго вѣдомства съ назначеніемъ въ Сенатъ, онъ былъ пораженъ, какъ громомъ. Живо помню, какъ пришелъ онъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ: на немъ лица не было. Я подумалъ, Богъ знаетъ, что за несчастіе случилось съ нимъ. Я убѣжденъ, что сенаторство, то-есть отсутствіе почтовой дѣятельности, имѣло прискорбное вліяніе на послѣдніе годы жизни его и ее сократило. До того времени бодро несъ онъ свою старость. Сложенія худощаваго, поджарый, всегда держащійся прямо, отличающійся стройной таліей Черкеса, необыкновенной живостью въ движеніяхъ и рѣчи,—онъ вдругъ осунулся тѣломъ и духомъ. Такимъ находилъ я его, когда въ последнее время пріѣзжалъ въ Москву. Мы и тогда часто видались, но бесѣды были уже не тѣ. Я видѣлъ предъ собою только тѣнь прежняго Булгакова, темное преданіе о живой старинѣ. Послѣ, и того уже не было. Бѣдный Булгаковъ, уже пережившій себя, окончательно умеръ въ Дрезденѣ у младшаго сына своего.

Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ моихъ въ Москву уже не нашелъ я и старшаго сына его Константина. Разбитый недугомъ и параличемъ и въ послѣдніе годы жизни казавшійся старикомъ въ виду молодаго отца своего, онъ обыкновенно угощалъ меня артистическимъ вечеромъ. Тутъ слушалъ я стихи Алмазова, комическіе разсказы Садовскаго и самого хозяина, котораго прозвалъ я Скарономъ; а самъ себя называлъ онъ скоромнымъ Скарономъ. На этихъ вечерахъ, уже хриплымъ голосомъ, но еще съ большимъ одушевленіемъ, распѣвалъ онъ рамансы прі-

(*) Опера кн. Шаховскаго.

ятеля своего Глинки. По наслѣдству отъ отца, имѣлъ онъ также отличный даръ передразниванья: представлялъ, въ лицахъ и въ голосѣ, извѣстныхъ пѣвцовъ итальянскихъ и русскихъ. Особенно умѣлъ онъ схватить пріемы пѣнья нашего незабвеннаго Вьельгорскаго и картавое произношеніе его. Вотъ также была богатая русская натура: это второе поколѣніе Булгаковыхъ. Музыкантъ въ душѣ, но также самоучка, остроумный, безъ приготовительнаго образованія, хорошо владѣющій карандашемъ, особенно въ каррикатурѣ, — онъ былъ исполненъ дарованій, не усовершенствованныхъ прилежаніемъ и наукой. Все это погубила преждевременно жизнь слишкомъ беззаботная и невоздержная. Онъ тоже былъ особенная и оригинальная личность въ Московской жизни. Все это переходитъ въ разрядъ темныхъ преданій.

Все близкое и знакомое мнѣ въ Москвѣ годъ отъ году исчезаетъ. Москва все болѣе и болѣе становится для меня Помпеей. Для отыскиванія жизни, то-есть того, что́ было жизнью для меня, я не могу ограничиваться одною внѣшностью: я долженъ дѣлать разысканія въ глубинѣ почвы, давно уже залитой лавою минувшаго. *Князь Вяземскій.*

Царское Село.
Августъ.